

Латыпов Рустем Альбертович

ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ КОНЦЕПТОВ

Экологический подход к изучению концептов позволяет исследовать сложные мыслительные процессы. Концепты и категории не репрезентируют мир в сознании человека, но сами активно участвуют в смыслопорождении, являясь частью глобальной смысловой сети. Концепты не обладают фиксированной репрезентационной структурой. На их структуру, состояния и свойства оказывают динамичное влияние контексты, в которых концепты актуализируются.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/7-1/32.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 7(73): в 3-х ч. Ч. 1. С. 121-123. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81-119

Экологический подход к изучению концептов позволяет исследовать сложные мыслительные процессы. Концепты и категории не репрезентируют мир в сознании человека, но сами активно участвуют в смыслопорождении, являясь частью глобальной смысловой сети. Концепты не обладают фиксированной репрезентационной структурой. На их структуру, состояния и свойства оказывают динамичное влияние контексты, в которых концепты актуализируются.

Ключевые слова и фразы: концепт; экологическая теория; ментальная система; состояние; свойство; контекст.

Латыпов Рустем Альбертович, к. пед. н., доцент

*Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина
rustem.latyrov@gmail.com*

ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ КОНЦЕПТОВ

Экологическая теория концептов предполагает возможным определять концепты не только на основе их типичных состояний и свойств этих состояний, но также и реляционных структур этих свойств. Экологическая теория рассматривает также концепты как сущности, потенциально предрасположенные к изменениям своего состояния под влиянием различных контекстов. Данный подход исходит из того, что единство восприятия и окружающей среды приводит к концептуализации, созданию сети концептуальных отношений или «экологии сознания».

Концепты не имеют фиксированной репрезентационной структуры; на их структуру оказывают динамичное влияние контексты, в которых концепты возникают [1; 3]. Об этом свидетельствует их гибкость, «податливость» к изменениям своей структуры бесконечным разнообразием способов, если принять во внимание бесконечное количество контекстов, которые могут повлиять на структуру концептов. Можно рассматривать концепты не в качестве фиксированных представлений или идентификаторов смысла, а скорее как мосты между человеческим сознанием и миром, которые участвуют в порождении смысла.

Экологический подход был впервые предложен в психологической науке в отношении восприятия организмом окружающей среды [5]. На его основе Дж. Гибсон [6] разработал систему «экологической оптики», которая характеризует воспринимающий организм и воспринимаемую среду таким образом, что они в своей совокупности представляют собой единое, неразрывное целое. В экологической оптике Дж. Гибсона свет, пространство, движение и другие абстрактные свойства обозначены как релевантные для организма и взаимозависимые измерения, а воспринимающий организм обязательным образом характеризуется через релевантные для среды и также взаимозависимые измерения. Восприятие организмом самого себя и восприятие своей среды, определенные таким образом, неотделимы друг от друга. Дж. Гибсон пишет, что «предположительно раздельные сферы субъективного и объективного на самом деле являются только полюсами внимания» [Ibidem, p. 116]. Другие ученые, занимающиеся когнитивной наукой, полагают, что инклюзивное поле «организм и среда» является основной информационной единицей. Эта идея высказывается, в частности, П. Трессольди и А. Хренниковым, которые отмечают, что «можно рассматривать физические и ментальные “объекты” как единицы информации, если мы вынесем за скобки их специфичные характеристики. Унифицируя физические и ментальные объекты в том смысле, что они представляют собой единицы информации, становится возможным разработать и формализовать модели передачи информации, которую несут объекты вне зависимости от их ментальной или физической природы» [12, p. 394].

На стыке физиологии и философии С. Скарда [11] подробно рассмотрел, как дуалистическое восприятие может возникнуть из ненарушенной области воспринимаемого события. Т. Ярвилехто [7; 8] определяет взаимосвязь между организмом и окружающей средой как единую систему на микро- (нейронном) и макро- (поведенческом) уровнях. В концепции интерсубъективизма С. Тревартена [13], взаимодействия между людьми «со-зависимо» определяются и переживаются, будучи данными в опыте. Концепция интерсубъективизма как субъективного опыта, разделяемого индивидами, снимает необходимость в понятии «объективного», так как общие представления индивидов обозначаются как их общие «субъективные» представления.

Дж. Гибсон [6] предложил термин «аффорданс» для обозначения тех функций, которые воспринимаемый мир предлагает организму. Аффорданс – «приглашающее» качество: интуитивно понятное (объективное или ощущаемое) воспринимаемое свойство объекта, среды, интерфейса, указывающее на то, каким образом следует взаимодействовать с данным объектом или использовать его. Это понятие, возникшее в научной теории восприятия, находит применение в области эргономики, искусственного интеллекта, при разработке интерфейсов для взаимодействия человека с компьютером. Например, земля, как твердая поверхность, предоставляет опору, огороженное место «предлагает» убежище, укрытие, а удлиненные, вытянутые объекты «позволяют» использовать их для того, что бить ими или колоть. По причине того, что окружающий мир является значимым и осмысленным для организма, который его воспринимает и на который он воздействует, формы и функции являются также неотделимыми друг от друга и «со-определяющими», как неотделимы друг от друга воспринимающий субъект и воспринимаемый объект. Соответственно, информация включает в себя как перцептивную составляющую, так и агентивную составляющую. Дж. Гибсон отмечает, что «акт бросания дополняет

восприятие объекта, который является бросаемым. Перенос вещей является неотъемлемой частью видения этих вещей как “транспортных” или “нетранспортных”» [Ibidem, p. 235]. Тем не менее воспринимающий субъект и воспринимаемый мир даны в опыте и переживаются раздельно и отлично друг от друга.

Применение экологического подхода к концептам, а не к перцептам (воспринимаемым объектам) может показаться в определенной мере необычным. Однако различие между перцептами и концептами может отражать то, что именно находится в фокусе внимания наблюдателя или исследователя. Сразу после того, как объекты окружающего мира подвергаются концептуализации, они начинают обладать ингерентным потенциалом вступать во взаимодействие неисчислимым количеством способов с концептами других объектов, а также с целями, планами, надеждами, желаниями, отношениями и т.д., которые образуют «ментальную жизнь» человека. Именно через такого рода взаимодействия представляется возможным выявить и распознать концептуальные реляционные связи, и благодаря этим взаимодействиям эти связи начинают функционировать как всеобъемлющая, интегративная внутренняя модель мира, то есть мировоззрение (то, как человек смотрит на мир и как он видит его). Таким образом, когда стимулы, воздействующие на человека, понимаются в концептуальном ключе, тогда они обретают, во-первых, структуру, подобную сети, и, во-вторых, динамику самоорганизации, которая является атрибутом экологии. Следовательно, экологический подход к изучению концептов открывает возможность исследовать сложные мыслительные процессы [4].

Э. Рош [10] полагает, что роль концептов заключается в том, что они являются своего рода «мостами» между тем, что, как мы полагаем, является ментальной сферой, и тем, что, как нам представляется, является сферой внешней по отношению к ментальному, т.е. внешним физическим миром. Концепты и категории не репрезентируют мир в сознании человека, но активно участвуют сами в порождении смысла, являясь частью единого целого: «сознание человека и внешний мир». Следовательно, концепты могут проявляться не иначе как часть общей сети смыслов, образуемой другими концептами и взаимосвязанными актами жизнедеятельности человека. Это означает, что концепты и категории существуют только в конкретных комплексных ситуациях.

Образование категорий не является произвольным, но происходит таким образом, чтобы максимально отобразить информационную структуру мира. То, что называется категорией базового уровня, например *CHAIR* (СТУЛ), мыслится в большей степени как название (номинант) объекта реального мира, по сравнению с *FURNITURE* (МЕБЕЛЬ), по той причине, что *CHAIR* категоризирует объект на таком уровне детализации, который наиболее «полезен и удобен» для передачи и интерпретации смысла, – уровне, который, конечно же, может дифференцироваться в зависимости от возраста, пола, жизненного опыта, социальной структуры и культуры. Если категории в конечном счете возникают из жизнедеятельности человека, то категории базового уровня могут стать ключами, которые могут «открыть доступ» к событиям и процессам, которые продуцировали эти категории. Поскольку мировоззрение человека (то, как он видит и понимает мир) формируется на основе категорий базового уровня с последующим включением как более детализированных (локализованных), так и более абстрактных уровней концептуализации, оно становится все в большей степени взаимосвязанным, переплетенным, более экологичным в смысле внутрисистемных связей, а также отношения ментальных систем с окружающей средой.

Так, С. Пинкер пишет о «когнитивной нише», которая позволяет объяснить необычные особенности, которыми обладает ментальная система и которые являются универсалиями вне зависимости от конкретной культуры, а именно: технологические ноу-хау; социальная кооперация; естественный язык. Ученый отмечает, что семантика символов (существительных, глаголов, предлогов, маркеров видовременных форм и т.д.) связана с базовыми смысловыми категориями, такими как объект, субстанция, движение, каузация, агентивность, пространство, время. Когнитивная ниша отличается от биологической ниши, то есть того места, которое организм занимает в какой-либо экологической системе, тем, что определяется не как некий пакет переносных окружающей среды, а скорее как возможности, которые предоставляет эта среда для её операционализации человеком посредством ментальных моделей вероятностных каузальных отношений [9].

В заключение отметим, что в исследовательском плане представляется возможным использовать экологическую теорию для описания отношения между перцепционными, функциональными и каузальными свойствами концептов в конкретных культурно-языковых контекстах реальной жизни, а также некомпозициональности семантики сочетаний концептов [2].

Список источников

1. Латыпов Р. А. Квантовый формализм как инструмент описания пространств состояний концептов и сочетаний концептов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4 (58): в 3-х ч. Ч. 1. С. 120-127.
2. Латыпов Р. А. О квантово-когнитивном моделировании некомпозициональности семантики концептов и сочетаний концептов // Интеллектуальный и научный потенциал XXI века: сборник статей Международной научно-практической конференции: в 4-х ч. Уфа: АЭТЕРНА, 2016. Ч. 3. С. 112-116.
3. Латыпов Р. А. О моделировании динамики состояний концептов как квантовых сущностей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 5 (47): в 2-х ч. Ч. II. С. 97-102.
4. Bateson G. Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology. Chicago: University of Chicago Press, 1972. 565 p.
5. Brunswick E. Perception and the Representative Design of Psychological Experiments. 2nd edition. Berkeley: University of California Press, 1956. 154 p.
6. Gibson J. J. The Ecological Approach to Visual Perception. Boston: Houghton-Mifflin, 1979. 315 p.
7. Jarvilehto T. The Theory of the Organism-Environment System: I. Description of the Theory // Integrative Physiological and Behavioral Science. 1998. № 33. P. 321-334.

8. **Jarvilehto T.** The Theory of the Organism-Environment System: II. Significance of Nervous Activity in the Organism-Environment System // Integrative Physiological and Behavioral Science. 1998. № 33. P. 335-342.
9. **Pinker S.** The Cognitive Niche: Coevolution of Intelligence, Sociality, and Language // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2010. Vol. 107. Supplement 2: In the Light of Evolution IV: The Human Condition. P. 8993-8999.
10. **Rosch E.** Reclaiming Concepts // Journal of Consciousness Studies. 1999. № 6. P. 61-78.
11. **Skarda C.** The Perceptual Form of Life // Reclaiming Cognition: The Primacy of Action, Intention and Emotion. Thorverton: Imprint Academic, 1999. P. 79-94.
12. **Tressoldi P., Khrennikov A.** Remote State Preparation of Mental Information: A Theoretical Model and a Summary of Experimental Evidence // NeuroQuantology. 2012. Vol. 10 (3). P. 394-402.
13. **Trevarthen C.** The Self-Born in Intersubjectivity: The Psychology of an Infant Communicating // The Perceived Self: Ecological and Interpersonal Sources of Self-Knowledge. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 121-173.

ON THE ECOLOGICAL THEORY OF CONCEPTS

Latypov Rustem Al'bertovich, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Syktvykar State University named after Pitirim Sorokin
rustem.latypov@gmail.com

An ecological approach to the study of concepts allows investigating complex mental processes. Concepts and categories do not represent the world in the mind of a person, but they actively participate in the generation of meaning, being a part of the global semantic network. Concepts do not have a fixed representation structure. The contexts in which the concepts are actualized influence dynamically their structure, states and properties.

Key words and phrases: concept; ecological theory; mental system; state; property; context.

УДК 801.8

Статья посвящена проблеме нарушения произносительной нормы русской речи в исполнении греков-билингвов. Целью статьи является установление супрасегментных характеристик речи северокавказских греков. Определены типологически общие и конкретно-языковые признаки в просодии русских, понтийских эталонных и интерферентных вопросов. Выявлен особый тип реализации понтийских вопросов. Определена связь интерференции эталонных языковых систем и присутствия акцента в речи греков; выделен релевантный участок для образования акцентных признаков; выявлена связь возникновения квазицентра с нисходящим движением тона и интерферирующего влияния со стороны понтийской просодической системы на просодический контур русских вопросов.

Ключевые слова и фразы: просодия; супрасегментный; греки; билингвы; интерференция; специальный вопрос.

Лукова Наталья Васильевна, к. филол. н., доцент
Северо-Кавказский Федеральный университет, г. Пятигорск
natalylukova@list.ru

Гарамян Арусяк Вячеславовна, к. филол. н.
Пятигорский государственный университет
arusya3007@mail.ru

СУПРАСЕГМЕНТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКОГО СПЕЦИАЛЬНОГО ВОПРОСА В УСЛОВИЯХ ГРЕЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Вопросы, связанные с явлением межкультурной коммуникации, становятся все более актуальными в последнее время. Причинами являются расширение и углубление связей между различными народами, потребность в сравнении накопленных знаний и совершенствовании методики преподавания неродных языков. Билингвизм на Северном Кавказе представлен национально-русским двуязычием, в частности «греческим» вариантом русского языка [2]. Греки-билингвы общаются как на понтийском диалекте новогреческого языка, так и на русском языке. Нарушение произносительной нормы русской речи в исполнении греков-билингвов является следствием контакта языковых систем и воспринимается на слух как акцент [1]. Определение акцентных черт речи греков Северного Кавказа оказывается возможным при помощи сравнительной типологии.

В настоящее время лингвистика не располагает такими данными относительно понтийско-русской интерференции. Необходимость исследования просодической организации высказываний, реализованных греками-билингвами, объясняется теоретическими и прикладными целями. Цель данной работы заключается в установлении супрасегментных характеристик речи северокавказских греков. Кроме того, определяются типологически общие и конкретно-языковые признаки в просодии русских, понтийских эталонных и интерферентных вопросов.